

9
русс

и событие: два способа производства нового

Даниэль Недолян

*Магистр философии, выпускник Центра
практической философии «Стасис»
Европейского университета в Санкт-Петербурге
ул. Гагаринская, 6/1А, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: dannedolyan@gmail.com*

Утопия и событие: два способа производства нового

Аннотация

Появление нового — это вопрос, который всегда имел чрезвычайную важность для социальной философии. Для того, чтобы уловить его в своем единстве, нам стоит посмотреть на него в состоянии раскола. В рамках этой статьи я постараюсь через сравнение онтологических концепций Эрнста Блоха и Алена Бадью показать все то общее, что есть у двух таких разных способов производства нового, как утопия и событие. В философиях Блоха и Бадью легко обнаружить много общих черт, а именно вопросы: ставки на субъекта; онтологической имманентизации трансцендентного; противостояния коммунизма и фашизма; разрыва и единства. Несмотря на всю схожесть, есть и существенная разница, которая проходит по вопросу онтологической обращенности к новому. Через сравнение важных для этой темы аспектов систем двух авторов будет раскрыта та структура, которая позволяет говорить об общности их проекта, не элиминируя различия.

Ключевые слова

утопия, событие, онтология множеств, онтология еще-не-ставшего, теория субъекта, производство нового

Введение

Если представить процесс создания нового в двух самых радикальных его вариантах, то мы придем к *утопии* и *событию*, то есть к высшей точке последовательного развития и к полному разрыву с прошлым. Это не единственные способы производства нового, но именно через них я попробую раскрыть общую координатную систему возможных вариантов создания нового. Связь и различие между утопией и событием — это вопрос, на который я постараюсь ответить в этой статье через сопоставление концепций Эрнста Блоха и Алена Бадью.

Между этими двумя авторами есть больше общего, чем кажется на первый взгляд. Они оба видят цель своей философии в имманентизации трансцендентного, оба при этом обращаются к христианскому наследию (Thompson 2013: 31–52). У обоих есть специфическая теория субъекта, а также линия противостояния с фашизмом. В конечном счете оба оказываются философами раздвоенного Единого и, как я полагаю, в основе обеих философий лежит общая структура, которая позволяет нам говорить о сходстве их идей не как о простой случайности.

Надо, конечно, подчеркнуть и фундаментальную разницу, которая между ними существует — она лежит в самом основании, в первом ходе проекта: Бадью строит свою философию на повторении платоновского жеста (Бадью 2003: 62), Блох — на левой интерпретации аристотелизма (Bloch 2019: 15). Это значит, что онтология Бадью работает с помощью онтологического разрыва, в то время как Блох основывается на процессуальном неразрывном характере бытия. Это различие, как я постараюсь показать, не отменяет фундаментальную общность их философий, но, напротив, может служить для исправления недостатков, которые можно обнаружить в обоих проектах, что позволяет свести их к единому механизму строительства нового.

Холодное и горячее течения

Утопическое в нас — это чувство того, что реальность может быть иной, что кажущееся нам незыблемым и неизменным на самом деле может исчезнуть в один день. То, как может существовать утопия, — это одновременно вопрос о том, как в принципе может существовать новое. Если мир, в котором мы живем, не завершен, если мы к нему можем

что-то добавить, то мы можем и представить, каким его хотели бы видеть. Утопия — это возможность вырваться из статического пространства вечно повторяющейся повседневности.

Базовая аристотелевская идея, на которую опирается Эрнст Блох, такова: реальность — это *процесс*, в котором материя постоянно обуславливает человека, а человек — материю. Человек в этом процессе не является чем-то внешним — он часть материи. Все, что относится к материи, относится и к человеку, а все, что относится к человеку, — относится и к материи. Но существует особая способность субъекта, которая делает это различие осмысленным, — возможность приподняться над процессом и изменить его направление. Именно это Блох называет утопией. Таким образом, утопия не просто является отстраненными пустыми мечтами, которые никуда не ведут, а частью процесса реальности — частью самой материи (Блох 1997: 225).

Возможность мыслить утопическое не возникает в человеке волеугодно, мы способны помыслить утопию не потому, что мы этого просто захотели, а потому, что такова сама природа материи, что в ней есть место для утопии. В человеке утопическое возникает в результате фундаментальной нехватки, с которой он обречен столкнуться, существуя в мире. И речь не только о нехватке как о психоаналитическом феномене, а о более базовых вещах — например, голоде. Оказавшись в мире, человек обречен испытывать страдания, произведенные материальной нехваткой, — именно это дает ему возможность помыслить ситуацию, где нехватки не существует (Bloch 1995: 45). Отношение человека к будущему состоит из двух противоположных чувств — надежды и страха (Ibid.: 4). В конечном счете это надежда на окончательное преодоление нехватки или страх того, что она будет длиться вечно.

В этой картине реального мы видим фундаментальную раздвоенность, которая существует в человеке и, соответственно, в самой материи. Она пролегает через раздвоенность выбора по отношению к будущему. Но мы не всемогущи, мы не можем воплотить в реальность то, что не соответствует материальным условиям нашего существования. Утопия, которая обусловлена только разумом, хотя и является несомненным подтверждением нашей утопической тяги, не может быть воплощена. Блох предлагает искать баланс между двумя крайностями — холодным механицизмом и идеалистическим утопизмом — абстрактной утопии противопоставить *конкретную* (Блох 1997: 128).

Эрнст Блох — философ, который известен тем, что совмещает, казалось бы, несовместимое — христианство с атеизмом, исторический материализм с мечтаниями и, наконец, материю с утопией. Сам его биографический путь тоже достаточно парадоксален: возвращаясь из американской эмиграции, где он оказался с товарищами по Франкфуртской школе, Блох выбрал Германию не Западную, а Восточную. Там его увлечение теологией и реформизм не нашли понимания, и в итоге в 1961 году он все же перебрался в ФРГ, не изменив, однако, социалистическим

идеям. Блох не принадлежал ни одной философской школе и оставался фигурой, стоящей особняком в европейской философии. Его биографический путь переплетается с философскими идеями — к старому незаконному философскому браку, совместившему две прежде несоотносимые традиции, материализма и диалектики, он предлагает добавить новый — брак материи и утопии (Блох 1997: 225).

Как возможен союз материи и утопии? Это вопрос поиска правильного баланса в механизме создания нового. На одной чаше весов — материя; сторонников этой крайности Блох называет последователями *холодного* течения в марксизме. Они считают, что развитие материального базиса само в определенный момент должно привести к радикальным переменам в обществе. В такой картине мира новое является эпифеноменом процесса, который фактически развивается без субъекта. Новое здесь подчинено материи. Наиболее ярким выражением этого течения в марксизме является социал-демократия Второго Интернационала.

После событий начала XX века критика этого направления во многом является общим местом для западного марксизма. «О понятии истории» Беньямина дает достаточно валидное, в том числе для наших целей, описание и критику (Беньямин 1995). Слепой прогрессивизм социал-демократии не оставляет возможности для изменения положения угнетенных прямо сейчас, потому что буря прогресса неумолимо уносит ангела истории в будущее. Поколение за поколением надежды угнетенных классов на лучший мир не воплощаются. Их откладывают во имя все не наступающего будущего, а затем они оказываются погребены под новыми и новыми обломками несбывшихся мечт. Прогрессивизм не учитывает катастрофы, которая всегда может случиться, и продолжает относиться к чрезвычайному положению, которое, на самом деле, всегда уже объявлено, как к временной помехе, а не как к реальному положению дел. Иными словами, такой подход жертвует утопической искрой в настоящем, но не воплощает ее и в будущем, потому что оказывается безоружным перед фашизмом.

Горячее течение делает ставку на утопию, но игнорирует материю. Самыми яркими представителями этого направления можно назвать утопических социалистов Фурье и Сен-Симона. Проблемой утопического социализма является то, что они, не отказывая утопии в ее месте в политическом процессе — что Блох, несомненно, очень ценит, — слишком сильно отрываются от материи. То есть утопические социалисты создают утопию всецело из ума, не обращаясь к материи (Блох 1997: 128), потому их утопия оказывается слишком абстрактной и отстраненной. Блох предлагает средний путь между этими двумя: не отрицать утопию и не отрицать материю, а создавать утопии, опосредованные материей, то есть опирающиеся на анализ сложившихся материальных условий — конкретную утопию.

Двоица рождает единицу

Подход Блоха по поиску баланса между двумя крайностями, мне кажется, имеет общность с онтологическим механизмом, который кладет в основу своей концепции события Ален Бадью. Бадью нельзя назвать философом, близким утопической традиции в литературе и философии, у него не найти ссылок на большинство авторов, которые ассоциируются с теорией утопии. Тем не менее у него есть идеи, которые могут быть определены как утопические. Задача этой статьи, однако, состоит не в том, чтобы просто вписать имя Бадью в ряды утопических авторов, но в том, чтобы выявить механизм создания нового, который поможет соотнести Блоха и Бадью.

Для начала нам надо более четко представить общую рамку философии Бадью. Я полагаю, что для верного изложения его онтологии мы должны обратиться к раннему тексту «Единица делится надвое». Амбициозный тезис, который содержится в этом тексте, можно сформулировать так: «Единое существует, и за него следует бороться». Однако важным дополнением, которое делает позицию Бадью более оригинальной и диалектической, является идея того, что Единое существует и может существовать только в качестве деления на два (Бадью 2004: 74–86). То есть наличествует антагонистическая борьба, где каждая из сторон предлагает свой вариант Единого, и только из-за существования самого антагонизма существует и Единица. Единое не предшествует Двоице, но возникает вместе с ней в качестве эпифеномена раскола. Другая важная идея Бадью, которая почти в идентичной форме встречается у Блоха, заключена в том, что фашизм ищет Единое в прошлом, в уже существующем, в укорененном, а коммунизм — в будущем, в качестве чего-то, что еще не существует, но может быть обретоно.

Мне кажется, что основной пафос этих утверждений от начала и до конца связывает общей нитью всю философию Бадью, включая его поздние, более весомые философские работы, опирающиеся на математизированную онтологию. Каким образом Единица, делящаяся надвое, может быть найдена в онтологии множеств? Здесь стоит более последовательно изложить онтологию Бадью.

Бадью утверждает: быть — значит быть принадлежащим (Badiou 2009: 111). Любое существование есть принадлежность какому-либо множеству. Любые два множества, которые отличаются друг от друга хотя бы одним элементом, отличаются друг от друга абсолютно — таков закон математики (Ibid.: 102). Тем не менее в нашей обыденной реальности мы обладаем способностью сравнивать вещи, говорить, что они похожи или различны в каких-то вопросах. Возможность видеть общность обусловлена тем, что множества уже некоторым образом приведены в определенное единство — они сосчитаны как одно (Badiou 2007: 90). То есть существует некоторый гомогенизирующий фактор, который

тем или иным способом сближает сущности — *трансцендентальный оператор* (Badiou 2009: 101).

Вокруг трансцендентального оператора организуется мир, или, в книгах более раннего периода, *ситуация*¹ (Badiou 2007: 104). Для лучшего понимания сущности ситуации можно сравнить сосчитанность в качестве одного с интерпелляцией (поименованием) у Альтюссера. В своем известном тексте «Идеология и идеологические аппараты государства» Альтюссер утверждает, что субъектность является идеологическим конструктом (Альтюссер 2011). Идеологические аппараты государства, которыми являются вопреки названию не только государственные учреждения, но и такие институты, как семья, церковь, школа, даже если она частная, — это аппараты, которые определенным образом *поименовывают* человека. Они обращаются к нему, как полицейский на улице окликает возможного нарушителя, а тот не может не отозваться. Подобное именование помещает индивида в идеологическую матрицу, тем самым создавая его субъектность и задавая ожидаемое от его имени поведение. Это приводит к ситуации, когда любой субъект подчиняется существующему порядку, ведь подчинение есть именно то, что делает субъект: «Субъекты существуют только в подчинении и ради их подчинения. Поэтому они “маршируют сами по себе”» (Там же).

Бадью, который сам был учеником Альтюссера, ищет пути сбежать из этой идеологической темницы ситуации. Дело в том, что подсчет за одно с точки зрения математического аппарата теории множеств незаконен. Теория множеств прямо запрещает существование множества всех множеств, поскольку оно приводит к парадоксу Рассела — такое множество одновременно включает и исключает само себя (Badiou 2009: 110). Поскольку теория множеств положена в основание бадьюанской онтологии, это значит, что не существует ни одной ситуации и ни одного трансцендентального оператора, который был бы окончателен и организовал бы ситуацию так, чтобы в нее входили все возможные элементы и множества. Это значит, что любая ситуация по сути своей может быть преодолена, и мир может быть подсчитан иначе. Есть специальная операция, которая высвечивает неполноту и одновременно пустоту ситуации, — *событие* (Badiou 2007: 53).

Событие существует как точка, лежащая на границе ситуации и чистых множеств, она одновременно относится к ситуации и надстраивается над ней, но и противоречит всему способу подсчета внутри нее. Это парадоксальный объект — имманентизированная трансценденция. Событие, подрывая ситуацию, создает раздвоенность, которая выявляет существование Единого. Сама ситуация организована таким образом, что внутри нее невозможно узнать о существовании незаконного подсчета

¹ В этой статье я пользуюсь вторым термином, чтобы не вводить путаницы.

трансцендентальным оператором. Ситуация существует в контексте происходящей внутри нее борьбы — между двумя дискурсами, которые описаны в книге Бадью «Апостол Павел: обоснование универсализма». В ней он сравнивает современность с эпохой, в которой жил и действовал Павел, и обнаруживает, что между двумя эпохами существует структурное сходство.

В обеих ситуациях мы имеем дело с борьбой двух дискурсов — дискурса *гомогенизации* и дискурса *исключительности*. Во время Павла они представлены соответственно римским законом и сопротивляющимся ему иудаизмом. Иудаизм пытается противопоставить гомогенизации Римской империи свою исключительность, которая обосновывается религиозно (Бадью 1999: 37). В современности мы снова имеем дело с этими же двумя дискурсами, но они репрезентированы другими акторами. Дискурс гомогенности представлен капитализмом, а дискурс исключительности — борцами за множественность, которые обосновывают исключительность миноритарного опыта женщин, сексуальных меньшинств, угнетенных национальностей и так далее. Проблема, однако, в том, что эти два дискурса, желая того или нет, в итоге служат единой цели постоянной циркуляции власти капитала, осуществляющейся через цепь детерриторизации и ретерриторизации (Там же: 12). Капитализм постоянно изображает себя так, будто имеется некий безостановочно происходящий процесс освобождения — все большее и большее число меньшинств обретают свои права, под них создаются свои рынки и те включаются в гомогенный мир на правах исключительных. Однако этот процесс лукав: дело в том, что процесс дробления человека на идентичности по сути своей *бесконечен*, исчерпать человека — это невозможное действие. В то же время этот бесконечный процесс все приближающегося освобождения постоянно прерывается всплеском реакции и фашизма — и все приходится начинать заново.

Что же может быть противопоставлено этому замкнутому движению? Тут нам и нужен пример апостола Павла и его известного принципа: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» (Кол. 3: 11). Это и есть третий дискурс — *дискурс универсализма*. Третий дискурс существует не как конкурирующий первым двум вариант, а как надстройка над ними. Он не отрицает дихотомии ситуации и не пытается принять одну из сторон — третий дискурс равнодушен к ним. Но они необходимо должны существовать, чтобы было возможно, надстраиваясь над ними, артикулировать универсальную истину — *именовать* элементы ситуации заново. Как например, событие Французской революции именуется существующие сословные различия в новое национальное единение, которое в свою очередь раскалывается на новое классовое именование буржуазии и пролетариата марксизмом.

Третий дискурс — дискурс истины, и в нем сосредоточена своеобразная диалектика, присущая философии Бадью. Это не синтез тезиса

и антитезиса и даже не снятие, но то *вечное*, что надстраивается над ситуативным, однако не может без него существовать. Иными словами, двоице дискурсов противопоставляется новое Единое, которое Бадью именуется *сверхъединным* (Badiou 2007: 196).

Таким образом, мы снова видим деление Единицы на два. Противостояние двух Единиц, которое было в тексте «Единица делится надвое», тут приобретает большую оформленность, хотя основные положения о ней сохраняются. В «Логике миров» и «Апостоле Павле» Единица раздваивается на Единое ситуации, которое существует как трансцендентальный оператор, и Единое события, которое существует как нечто данное в качестве парадоксальной диалектической надстройки — *имманентного невозможного* (Ibid.: 208). Единство ситуации раскрывается ретроспективно с помощью события. То, что два дискурса на самом деле работают на поддержание целостности ситуации, невозможно понять изнутри этих двух дискурсов.

Эти два типа Единых в терминах самого Бадью могут быть поименованы как *демократический материализм* и *материалистическая диалектика*. Демократический материализм строится на утверждении, что существуют только тела и языки, материалистическая диалектика — что существуют тела и языки, а кроме того, существуют истины (Badiou 2009: 4). Формулировка «кроме того» тут проясняет надстроечную суть события, потому что без существования языков и тел истин существовать не может. Также важно использование термина «материалистическая диалектика». Бадью имеет странное положение в марксистской традиции — его часто обвиняют в отходе от марксистской ортодоксии, и одно из самых частых и справедливых критических положений состоит в том, что в теории Бадью нет места для экономики. Действительно, экономика у Бадью существует только под именем необходимости, а точнее, именем экономики прикрываются, когда надо оправдать необходимость чего-то (сегодня чаще всего — очередных неолиберальных сокращений расходов и иных рыночных интервенций) (Бадью 2006: 51).

Тем не менее связь Бадью с марксистской традицией и, в более широком смысле, с традицией материалистической диалектики проявляется не только в коммунистической идеологии философа и его активистской политической позиции, но и в общей онтологической схеме. Выше я уже написал о третьем дискурсе как варианте диалектической троицы, но стоит также отметить, что Бадью берет из материалистической диалектики такой важный элемент, как понимание противоречия в самой материи в качестве основы ее движения. Сложная схема с математизированной онтологией в итоге служит инструментом для имманентизации события, то есть представления того, что можно воспринять как нечто буквально мистическое, в качестве неотъемлемого элемента самой реальности. Это решает вопрос о возникновении нового, потому что событие, в конечном счете, и есть механизм появления нового в нашем мире.

События, по Бадью, возникают в четырех сферах: искусстве, науке, любви и политике (Бадью 2003: 16). В рамках этой статьи я в основном обращаюсь к примерам событий из политической истории, но с точки зрения механизма производства нового все четыре варианта истинностных процедур работают одинаково. Они создают новые истины через имманентизированное трансцендентное, но что еще более важно — они оставляют *следы*, к которым можно обращаться, поскольку истина вечна. След события требует особой позиции субъекта, чтобы быть раскрытым. Тут мы подходим к вопросу субъекта и субъектных схем, которые позволят нам говорить о сходстве концепций Бадью и Блоха.

Незаконный союз

Вопрос субъекта оказывается центральным и для Блоха, и для Бадью, потому что именно он оказывается тем элементом, который связывает трансцендентное с имманентным. Весь аппарат Бадью остается рабочим, только когда мы утверждаем существование субъекта и его специфическое отношение с событием, а именно: само существование субъекта является следствием существования события, только по отношению к событию определяется субъектность политического тела, потому что так появляется возможность выбора. И наоборот, событие не имеет смысла, если нет субъекта, который его поименовывает и ему следует. Следование событию иначе может быть названо верностью, и именно так Бадью называет субъекта, который осуществляет истинностную процедуру, — *верный субъект*. Кроме верного субъекта существует также две другие субъектные схемы — *консервативная* и *обскурантистская* (Badiou 2009: 56). Если верный субъект следует событию и изменяет ситуацию, то консервативный — не признает событие в качестве такового и может лишь слегка изменить ситуацию, не поменяв ее фундаментальной сути. Обскурантистский субъект, которого Бадью ассоциирует с фашизмом, подчиняет событие уже существующему политическому телу: нации, расе, крови — тем самым извращая событие и его универсалистское содержание.

Для Блоха субъект также оказывается центральной точкой пересечения материи и утопии, а его утопическая тяга — способом имманентизации утопии в материи. Точно так же, как и у Бадью, связь субъекта с имманентным невозможным переносит нас на одно поле борьбы с фашизмом. Блох обращается к миллениаристским корням идеи Третьего рейха — «тысячелетний рейх», по его мнению, есть калька с тысячелетнего царства святого духа Иоахима Флорского (Блох 2022). Тем не менее это не является причиной для того, чтобы мы отказывались от миллениаристских идей — борьба на одном поле лишь означает, что фашизм всегда является извращенным злым двойником коммунизма — личиной, если говорить в терминах Бадью (2006: 102). Поскольку утопическое присуше

любому человеку и пронизывает всю материю, соответственно, и вся материя оказывается полем борьбы. Ни одна идея не должна быть списана только потому, что была апроприрована врагом; она еще может быть очищена, если в ней будет найден утопический след (Bloch 1995: 149).

Поиск утопических следов, которому во многом посвящены тома «Принципа надежды», является принципиально важным для Блоха. Это огромная работа по обнаружению подтверждений тому, что человеку присуще утопическое в культуре, в технике, в сказках, в религии, в политике, даже в обыденных мечтаниях. Такая работа подтверждает основополагающую утопическую идею — *все может быть иначе* (Ibid.: 148). Утопическое, которое пронизывает человеческое существование и признаки которого Блох эксплицирует в самых разных проявлениях людской деятельности, может быть сопоставлено со следом события у Бадью, хотя и с оговорками.

События Бадью имеют эпохальный характер — например, последними политическими событиями, которые признает Бадью, являются Красный май во Франции 1968 года и Культурная революция в Китае в том же десятилетии (Badiou 2010: 45)². Несмотря на разницу в масштабе, метод двух мыслителей тем не менее схож — это поиск свидетельств того, что в способе организации порядка, каков он есть сейчас, нет необходимости — он может быть иным. Такой простой перебор следов событий и утопического служит для обоих авторов подтверждением особого умения субъекта взаимодействовать с трансцендентным.

Кроме роднящих Блоха и Бадью вопросов субъектности и поиска следов трансцендентного, важно обратить внимание еще и на их концептуализацию темпоральности. Для обоих авторов вопрос времени прямо связан с политикой: оба они уравнивают фашизм с прошлым, а коммунизм — с будущим. Для Блоха люди существуют в разной темпоральности: есть и те, кто буквально живет в прошлом, именно они становятся базой для фашизма (Блох 1997: 123). Бадью, как было сказано, осмысляет фашизм как поиск Единого в уже существующем, укорененном в прошлом, например в расе. Коммунизм же ищет Единое в еще не существующем, в будущем (Бадью 2004: 74–86).

Наконец, Блох и Бадью оба могут быть названы философами расколотого Единого — это прямо исходит из их позиции по имманентизации трансцендентного и ставки на субъекта. Бадью более эксплицитно приписывает двойственный характер Единому, но и у Блоха много где фигурирует раздвоенность сущего. Это, например, раздвоенность нашего отношения к будущему — страх и надежда, раздвоенность нашей темпоральной позиции. В онтологическом смысле раскол Единого у Блоха намного сильнее связан с понятийным аппаратом диалектического

² Бадью во многом уравнивает эти события, представляя их как единое целое.

материализма — то есть с классовым разрывом. Сами материальные условия ведут к тому, что человек обладает способностью обращаться к утопии, и раздвоенность социального порядка служит фундаментом для существования единицы, которая существует как эпифеномен раскола.

Таким образом, между Бадью и Блохом можно обнаружить существенное сходство, несмотря на различие платонической и аристотелевской позиций. Платонизм Бадью работает через обращение события к субъекту, то есть через существование процедуры выхода, которая обусловлена самим бытием. Событие — это интервенция бытия извне вовнутрь. Жест Блоха обратный — изнутри субъекта и его особого умения мы можем выводить вовне. Я полагаю, что совмещение этих двух моделей может позволить усилить позиции обоих авторов.

Так, концепция события Бадью оставляет открытым вопрос, когда и как случится событие и как оно может выглядеть; все, что нам остается — обращаться к прошлым событиям и их следам в ожидании нового. Важный для Блоха концепт *опережения*, или *предчувствующего сознания* — обращенности человека к утопии, с помощью чего удастся предугадывать варианты будущего, — помогает разрешить эту проблему грядущих событий. В свою очередь концепция события помогает нам добавить узловые моменты в осмысление вечного процесса реальности, ведь в своей максиме утопия не должна оставаться просто интересным продуктом человеческого творчества — она должна быть событием.

Совмещение позиций двух авторов выглядит особенно плодотворным в контексте механизмов, которые оба они выстраивают. Механизм равновесия Блоха, позволяющий скрепить незаконный союз утопии и материи, уже был представлен выше. И я полагаю, что примерно такую же линию равновесия выстраивает Бадью. Стоит начать с его критики Делёза, которая, если изложить ее буквально в одном предложении, сводится к тому, что Делёз ошибочно уравнивает бытие и событие (Badiou 2009: 382). Для Делёза само бытие существует при помощи постоянного продуцирования событий, которые начинают все новые и новые ряды — в сущности, такое производство рядов и есть бытие. Почему это проблема для Бадью? Можно сказать, что уравнивание бытия и события не позволяет нам действительно вырваться из ситуации — событие попросту оказывается недостаточно трансцендентным, чтобы действительно обладать преобразующей реальность силой.

В таком случае можно сказать, что, подобно тому как Блох выстраивает определенный механизм равновесия на шкале «материя — утопия», Бадью оперирует шкалой «бытие — событие». На одном краю этой шкалы расположен Делёз, который не дает событию достаточного пространства для разворачивания; на другом — мистическое отношение к событию, которое, наоборот, слишком сильно отрывает его от бытия. Эту крайность Бадью ассоциирует с Паскалем (Бадью 1999: 46). Мистическое отношение к событию разрывает его связь с ситуацией, лишая его имманентного положения в бытии.

В этой связи интересно сопоставить концепцию Бадью с философской моделью его ученика — Квентина Мейясу. Последний известен своим проектом по преодолению корреляционизма и утверждению философии чистой контингентности (Мейясу 2015: 102). В контексте этой работы, однако, меня больше интересует его идея из неопубликованной магистерской диссертации, которая доступна только в изложении Грэма Хармана и по тем фрагментам, которые даны в приложении к его книге. В своей концепции «Божественного несуществования» Мейясу утверждает, что в реальности произошло три больших макрособытия, которые знаменуют собой разные царства: возникновение *материи*, возникновение *жизни* и возникновение *сознания* (Harman: 2011: 64). Генетическая связь с Бадью тут видна в событийности этих явлений — они возникают *ex nihilo*, то есть они ничем не обусловлены и совершенно контингентны. Точно так же обосновывается возможное наступление четвертого царства, на которое делает ставку Мейясу, — царства справедливости, возникновения Бога и преодоления смерти.

Мейясу хорошо описывает, как Бадью пытается искать баланс между историей и событием, не дать событию слишком сильно оторваться от истории, при этом не дать событию полностью быть историей поглощенным (Meillassoux 2011: 1–11). Однако Бадью, с точки зрения Мейясу, оказывается недостаточно радикальным — его событие одновременно недостаточно имманентно и недостаточно трансцендентно. Царства «Божественного несуществования» полностью онтологически имманентны, так как основываются на ключевом и единственном законе онтологии — чистой контингентности, при этом они полностью трансцендентны, потому что возникают буквально из ничего. Эта критика позволяет четче прояснить, чем привлекательна срединная позиция между бытием и событием. На шкале «бытие — событие» оба автора претендовали бы на срединное положение: Мейясу на ней, скорее всего, разместил бы Бадью как слишком отрывающегося от имманенции бытия; Бадью, можно предположить, наоборот, счел бы, что это Мейясу слишком от бытия отстраняется.

Говоря, что шкала «бытие — событие» имеет право на существование по аналогии со шкалой «материя — утопия» Блоха, я полагаю, что эта шкала отвечает не на вопрос логической истинности той или иной позиции — они внутри своей логики достаточно хорошо обоснованы, — а на вопрос о необходимых уровнях опосредований. Иными словами, с помощью нее можно определить, насколько событие сохраняет в себе конкретное содержание бытия — подобно тому, как главным вопросом для Блоха становится то, насколько конкретна утопия, то есть насколько она отражает материальные основания своего исторического момента. В своем понимании события Бадью стремится балансировать на той же грани трансцендентности, опосредованной материей, что и Блох с его идеей конкретной утопии, и, отрываясь от ситуации, не вымывать ее сути полностью и не сводить ее к чистой абстракции онтологии, что должно позволить сохранить политическое содержание события.

Таким образом, мы можем говорить о существовании двух шкал: шкалы «утопия — материя» и шкалы «бытие — событие». Крайними точками первой шкалы являются холодное течение, представленное механистическими вариантами марксизма, и горячее течение, которое представлено Фурье и Сен-Симоном. На второй шкале крайними точками выступают Делёз и Паскаль, первый из которых сводит бытие к событию, а второй не опосредует событие бытием³.

С помощью взаимоналожения этих шкал Блох и Бадью оказываются объединены единым проектом. Все многочисленные сходства, выявленные между ними, могут быть объяснены одним общим знаменателем, а именно вопросом нового и поиском его решения. Важно отметить, что все представленные в данной схеме мыслители по-своему пытались решить вопрос о новом, но только Блох и Бадью оказываются тут сведенными общей точкой:

Рис. 1. Координатная система производства нового.

³ Стоит оговориться, что все эти авторы представлены в рецепции соответственно Блоха и Бадью.

От общего к схожему (заключение)

Эрнст Блох и Ален Бадью, вокруг чьих проектов было сосредоточено это исследование, имеют парадоксальную общность. Они начинают из двух диаметрально противоположных точек — платонизма и аристотелизма, и их философии служат разным целям. Тем не менее их философии можно связать единой координатной системой. Более того, на этой схеме они оказываются в одной и той же точке, поскольку в вопросе производства нового оба автора приходят к одному и тому же механизму: новое есть результат опосредования трансцендентного — имманентным, события — бытием, утопии — материей.

В рамках статьи были описаны многочисленные сходства упомянутых мыслителей — в вопросах субъектности, темпоральности, Единого, поиска баланса и политических предпочтений, — с помощью чего удалось продемонстрировать, что между ними наличествуют не просто случайные сближения, но действительная общность. Какие-то из идей философов всегда можно объяснить, опираясь на их биографию или личные предпочтения, но в данном случае можно предположить, что все вышеперечисленные сходства являются следствием общего ответа на вопрос о новом. И именно из этой общности выводится все то, что могло казаться лишь сходством.

Принимая на вооружение идею о новом как опосредовании трансцендентного имманентным, мы должны найти агента, который воплощает это действие в жизнь, — и оба автора обнаруживают его с помощью специфической теории субъекта. Блох приписывает умение производить новое особому умению субъекта опережать материю и тем самым задавать направление ее развитию. Бадью связывает новое с возможностью следовать событию, то есть особым умением субъекта воспринимать возможность иного способа подсчета множеств и пустоту ситуации.

Далее можно перейти к вопросу о темпоральности. Вопрос нового прямо предполагает предпочтение будущего прошлому, но здесь же кроется ответ, почему такое предпочтение необходимо. Исходя из представленной у Блоха и Бадью теории субъекта, старое не может существовать бесконечно, поскольку само свойство материи таково, что она производит новое — посредством события или с помощью утопической тяги. И отказ от нового сопряжен с воплощением более злоедей опасной, чем просто вечное воспроизводство существующей реальности, — с фашизмом⁴.

Наконец, вся эта схема возможна, только если мы говорим о Едином как о расколотом. Оба автора пытались уйти от монического механицизма своих предшественников — от слепого прогрессивизма

⁴ Вспомним приписываемое Бенямину высказывание: «Всякий фашизм — это неудавшееся революция».

социал-демократии (Блох) и от структурализма Альтюссера (Бадью). Только раскол в Едином позволяет говорить о возможности существования нового, потому что новое сопряжено с активным выбором, оно не наступает само по себе. Из общей формулы возникновения нового выводится, что трансцендентное никак не может быть опосредовано имманентным, если в самом имманентном — в материи или бытии — нет раскола. Иначе для трансцендентного попросту не будет места.

Тем не менее, несмотря на то, что Бадью и Блох оказываются в представленной схеме на одной и той же срединной точке, это не значит, что их различия не имеют значения. Наличие точки их соединения говорит о том, что существуют и линии, на которых их позиции располагаются. Необходимость прочерчивания двух линий связана с первичным жестом их концепций — с тем, как происходит явление нового. В случае платонического жеста Бадью само бытие устроено таким образом, что в нем есть место событию, к которому субъект может обратиться. То есть от субъекта требуется активное действие, чтобы стать верным событию субъектом, но сам он не может создать событие. Аристотелевский жест Блоха обратный — в субъекте есть место для утопии, он может творить образы лучшего мира, но может это делать, лишь поскольку сам материален и несет на себе тяготы существования. И поэтому в самой материи есть место для утопии.

Библиография

- Альтюссер, Луи (2011). «Идеология и идеологические аппараты государства». *Неприкосновенный запас*, № 3 (77). https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/77_nz_3_2011/article/18605.
- Бадью, Ален (1999). *Апостол Павел. Обоснование универсализма*. М.: Университетская книга.
- Бадью, Ален (2003). *Манифест философии*. СПб.: Machina.
- Бадью, Ален (2004). «Единица делится надвое». *Синий диван*, № 5: 74–86.
- Бадью, Ален (2006). *Этика. Очерк о сознании Зла*. СПб.: Machina.
- Беньямин, Вальтер (1995). «О понятии истории». *Художественный журнал*, № 7. <https://moscowartmagazine.com/issue/73/article/1551>.
- Блох, Эрнст (1997). *Тюбингенское введение в философию*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Блох, Эрнст (2022). «К оригинальной истории Третьего рейха». *Koinon*, № 1 (3): 94–118.
- Мейясу, Квентин (2015). *После Конечности. Эссе о необходимости контингентности*. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.
- Badiou, Alain (2007). *Being and Event*. New York; London: Continuum.
- Badiou, Alain (2009). *Logics of the World*. New York; London: Continuum.
- Badiou, Alain (2012). *The Communist Hypothesis*. London: Verso.
- Bloch, Ernst (1995). *The Principle of Hope*. Volume 1. Cambridge: MIT Press.

Утопия и событие: два способа производства нового

- Bloch, Ernst (2019). *Avicenna and the Aristotelian Left*. New York: Columbia University Press.
- Harman, Graham (2011). *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Meillassoux, Quentin (2011). "History and Event in Alain Badiou." *Parrhesia* 12: 1–11.
- Thompson, Peter (2013). "Bloch, Badiou, Saint Paul, and the Ontology of Not Yet." *New German Critique* 119: 31–52.

Daniel Nedolyan

*MA in philosophy
"Stasis" Center of Practical Philosophy,
European University at St Petersburg,
Gagarinskaya st., 6/1A, St Petersburg, Russia
E-mail: dannedolyan@gmail.com*

Utopia and Event: two Modes of Producing the New

Abstract

The emergence of the new is a question that has always been of extreme importance for social philosophy. In order to grasp it in its unity, we should look at it in a state of disruption. In this article I will try to demonstrate through a comparison of the ontological concepts of Ernst Bloch and Alain Badiou what two such different ways of producing the new as utopia and event have in common. In the philosophies of Bloch and Badiou it is easy to find many common features: the questions of the subject, of the ontological immanentization of the transcendent, of the opposition between communism and fascism, of rupture and unity. But despite all the similarities there is also a significant difference, which runs through the question of their ontological appeal to the new. Through the comparison of important aspects of the systems of the two authors, the structure that allows us to talk about the commonality of their project without elimination of differences will be revealed.

Keywords

utopia, event, ontology of sets, ontology of not-yet-being, theory of the subject, production of the new

References

- Althusser, Louis (2011). *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva*[Ideology and Ideological State Apparatuses]. Moscow: *Neprikosnovennyi zapas*, № 3.
- Badiou, Alain (1999). *Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma* [Saint Paul: the Foundation of Universalism]. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Badiou, Alain (2003). *Manifest filosofii* [Manifesto for Philosophy]. Saint Petersburg: Machina.

Utopia and Event: two Modes of Producing the New

- Badiou, Alain (2004). *Edinitsa delitsya nadvoe [One Divides into Two]*. Moscow: Sinii divan, № 5: 74–86 .
- Badiou, Alain (2006). *Ehtika. Ocherk o soznanii Zla [Ethics: an Essay on the Understanding of Evil]*. Saint Petersburg: Machina.
- Badiou, Alain (2007). *Being and Event*. New York; London: Continuum.
- Badiou, Alain (2009). *Logics of the World*. New York; London: Continuum.
- Badiou, Alain (2012). *The Communist Hypothesis*. London: Verso.
- Benjamin, Walter (1995). *O ponyatii istorii [On the Concept of History]*. Moscow: Khudozhestvennyi zhurnal, № 7.
- Bloch, Ernst (1995). *The Principle of Hope*. Volume 1. Cambridge: MIT Press.
- Bloch, Ernst (1997). *Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu [Tübingen Introduction to Philosophy]*. Yekaterinburg: Ural University Publishing.
- Bloch, Ernst (2019). *Avicenna and the Aristotelian Left*. New York: Columbia University Press.
- Bloch, Ernst (2022). *K original'noi istorii Tret'ego Reikha [On the original history of the Third Reich]*. Yekaterinburg: Koinon, Vol. 3, № 1.
- Harman, Graham (2011). *Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Meillassoux, Quentin (2011). "History and Event in Alain Badiou." *Parrhesia* 12: 1–11.
- Meillassoux, Quentin (2015). *Posle Konechnosti. Ehsse o neobkhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]*. Yekaterinburg-Moscow: Kabinetnyi uchenyi.
- Thompson, Peter (2013). "Bloch, Badiou, Saint Paul, and the Ontology of Not Yet." *New German Critique* 119: 31–52.